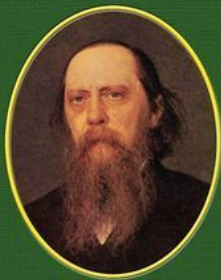

Михаил
Салтыков-Щедрин

Сочинения

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

В разброд

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3133355*

Аннотация

Вторая рецензия Салтыкова на произведения Михайлова явилась продолжением полемики «Отечественных записок» с журналом «Дело» по важнейшим проблемам эстетики. Настаивая на верности своего прошлогоднего отзыва о Михайлове и связанных с ним общих теоретических выводах, Салтыков показывает, что новый роман «В разброд» служит ярким тому доказательством. Основной эстетический тезис Салтыкова приобретает здесь наиболее полное и точное выражение. «Истины самые полезные нередко получают репутацию мертворожденных, благодаря недостаточности или спутанности приемов, которые допускаются при их пропаганде».

Содержание

Примечания

14

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин В разброд

Роман в двух частях А. Михайлова. СПб 1870 г.

Жизнь самого обыкновенного смертного настолько сложна, что с трудом исчерпывается общими определениями. Если нам говорят, что такой-то человек добродетелен, а такой-то порочен, то это столь же мало знакомит нас с индивидуумом, о котором идет речь, как если бы нам сказали о прохожем, что он прохожий. Люди, относящиеся к жизни сознательно, никогда не довольствуются подобными определениями, и это вовсе не означает недоверия к лицу, прибегающему к ним, а означает только отвращение от всякого рода бездоказательности, из какого бы источника она ни выходила. С другой стороны, сами люди, делающие подобные определения, всегда чувствуют их недостаточность и идут несколько далее, то есть вслед за определением стараются объяснить его примерами. И не только целая жизнь человека, то есть вся совокупность его поступков, но каждый отдельный поступок имеет свою историю, с помощью которой можно убедительно доказать, что даже дикое самодурство имеет в своем основании известные законы, за пределы которых оно переступить не может. Этого мало: из уст челове-

ка не выходит ни одной фразы, которую нельзя было бы проследить до той обстановки, из которой она вышла. Так, например, ежели человек говорит: «обещайте мне работать на пользу ближних, думать больше о других, чем о себе» и т. д. («В разброд», ч. 2, стр. 247), то слушающий эту фразу, если захочет, непременно найдет возможность восстановить тот жизненный процесс, который заставил ее произнести. Этот процесс окажется или нормальным, если фраза сказана искренно (хотя, впрочем, здесь дозволительно некоторое сомнение насчет ясности понятий человека, который ставит какую-то непроницаемую преграду между эгоизмом и любовью к ближнему), или ненормальным, если фраза сказана ради одного хвастовства и вопреки общему типу убеждений человека. Но во всяком случае процесс существует, и его необходимо объяснить себе, если хочешь понять действительный смысл фразы и убедиться, что она зародилась в человеке, а не где-нибудь в пустом пространстве.

Чтобы сделать нашу мысль более вразумительной, объясним ее примером. По-видимому, нет ничего легче, как рассказать день любого человека. Встал, умылся, занимался с отвращением или с увлечением, читал Дарвина или Аскоченского, обедал, после обеда спал или опять занимался, поехал в театр, оттуда в общество, в котором говорились умные или глупые речи. Но такого рода описание, как ни преисполнено оно будет всякого рода подробностей, не удовлетворит никого. Можно разнообразить его сколько угодно,

можно ввести в него не только простое воровство, но воровство со взломом, не только простой либерализм, но либерализм со ссылкой, куда Макар телят не гонял – и все-таки ничего из этого не выйдет. Потому не выйдет, что в жизни нет голых фактов, нет поступков, нет фраз, которые не имели бы за собой истории, которые можно было бы представить себе без всякого отношения к целому ряду других фактов, поступков и фраз. Это понимается всеми, и ценители самые обыкновенные относятся с недоверием к самым характерным подробностям, ежели они поставлены изолированно. Сознательно или бессознательно, но всякий чувствует, что за внешними, разбросанными признаками есть внутренний мир, который связывает поступки человека не одною наружною связью, но приурочивает их к известному типу, в котором и заключается разгадка того или другого поступка, той или другой подробности.

Все это делает роль лица, наблюдающего жизненные явления, и в особенности желающего поделиться своими наблюдениями с публикой, чрезвычайно трудною. В обыкновенных житейских сношениях суждения бездоказательные или не представляющие полного живого образа сплошь и рядом проходят мимо ушей и извиняются невозможностью исчерпать предмет в коротких чертах. Но в сфере литературы подобным извинениям нет места; тут опрометчивость, если даже она соединена с благонамеренностью, не может произвести никакого другого впечатления, кроме изумления. Чита-

тель берется за книгу если не для того, чтобы поучаться, то, во всяком случае, для того, чтоб вынести из нее какое-нибудь общее впечатление; и ежели вместо сознательных мыслей и строго соображенных образов он встречается только с бесплодной тавтологией слов, то это его огорчает. Чем полезнее мысль, чем благотворнее предполагается ее влияние на общество, тем тщательнее она должна быть разработана, потому что здесь неудача не просто обрывается на том или другом авторе, но распространяет свое действие и на самую идею. Истины самые полезные нередко получают репутацию мертворожденных, благодаря недостаточности или спутанности приемов, которые допускаются при их пропаганде.

Мы не сделаем никакой натяжки, если применим сказанное выше к новому произведению г. Михайлова. Несмотря на то, что мы в полной мере сочувствуем тем общим началам, которые лежат в основании литературной деятельности этого писателя, мы и теперь не отступаем от отзыва, который был дан нами по поводу романа «Засоренные дороги», вышедшего в прошлом году. По мнению нашему, г. Михайлов стоит на фальшивой дороге, на которой недостатки его с течением времени будут обрисовываться все ярче и ярче и в конце концов совершенно затемнят те достоинства, которые были обнаружены в первых произведениях его пера. Главнейшие из этих недостатков: голословность и чуждое ясно сти резонерство.

Г-н Михайлов изображает в своих романах преимуще-

ственно так называемых «новых людей», которые и представляют у него казовый конец общества. Мы не имеем ничего против этого взгляда, а думаем вообще, что мысль представить в живых образах людей, которых идеалы сложились несколько иначе, нежели идеалы людей сороковых годов, занимавших до сих пор всю ширину нашей беллетристической сцены, есть мысль, заслуживающая всякого сочувствия. Не можем скрыть, однако ж, что у г. Михайлова эти люди выходят как-то чересчур уж бледно, а поступки или, лучше, слова их, напоминают скорее надерганные из новейших прописей изречения, нежели живые поступки и слова. Быть может, нам возразят, что типы, намечиваемые г. Михайловым, еще мало разработаны и трудно поддаются изучению. Стремления современного молодого поколения, скажут нам, обставлены слишком грозно, и авторитетное невежество, обзывая их общим наименованием «вредных идей», устраивает особую обстановку, которая делает доступ к ним почти непроницаемым. Предположим даже, что писатель вполне сознал сущность этих стремлений; ему остается преодолеть еще другую трудность, а именно найти живое слово для выражения их, и притом такое слово, которое не слишком бы шло против течения. Между прочим, ничто так ярко не характеризует того или другого направления, как так называемые крайности его. Эти крайности полагают основание великому множеству разнообразнейших характеров, присутствие которых на арене искусства совершенно необходимо,

если мы желаем получить действительную характеристику общества в данный момент. Представьте себе, что возможность выводить подобные характеры устранена, и вы получите разъяснение того факта, почему попытки изобразить типические лица из современного молодого поколения (вне сферы карикатуры и клеветы) почти всегда сопровождаются неудачей. Вот возражение, которое может быть сделано против слишком строгой оценки подобного рода попыток.

Несмотря, однако ж, на относительную вескость этих соображений, вполне согласиться с ними нельзя. Те самые трудности, которые существуют в настоящее время по отношению к людям современного молодого поколения, существовали в свое время и по отношению к людям сороковых годов. Тем не менее мы имеем довольно богатую литературу, из которой можно с достаточною ясностью разгадать настроение, господствовавшее в той небольшой части тогдашнего русского общества, которая не без основания считала себя представительницею либеральных идей. Как ни ревниво ограждает себя большинство от вторжения так называемых «вредных идей», оно не может замкнуться до такой степени, чтоб избежать столкновений, преемственное повторение которых образует борьбу, сначала глухую, но потом все более и более явственную. Скрыть смысл этой борьбы невозможно. Можно преследовать и карать известные личности, но нельзя преследовать целый строй идей, потому что против такого преследования восстанет сама жизнь, задача которой за-

ключается в стремлении вперед, а не назад. Поэтому мы думаем, что какую бы непроницаемостью ни были прикрыты стремления, неприятные авторитетному большинству, публицистика и искусство все-таки имеют под руками достаточное разнообразие средств, чтобы сделать их понятными и доступными для пропаганды. Белинского и Добролюбова понимали все, хотя, конечно, они не менее были стеснены в выражении своих мыслей, нежели современные нам публицисты. Точно так же все понимали Круповых, Бельтовых, Рудиных.

Возвращаясь к г. Михайлову, мы повторяем: при всем уважении к его либеральным намерениям, мы никак не можем признать удачными его попытки познакомить публику с типами «новых людей». Это даже не люди, а марионетки, сохраняющие лишь наружные признаки людей¹ и в то же время остающиеся в совершенном неведении тех побуждений, которые двигают ими. Трудно понять, о чем они хлопочут, чем они недовольны и в чем заключается тот либерализм, за который они страдают. Иногда кажется, что в них есть сочувствие к классу обиженному и обделенному, но по зрелом размышлении нельзя не убедиться, что это только ярлык, наклеенный на них автором, и что деятельно сочувствие это ни в чем не выражается. И еще кажется, что в них есть отвраще-

---

¹ ...марионетки, сохраняющие лишь наружные признаки людей... – Тема эта легла впоследствии в основу замысла сказки Салтыкова «Игрушечного дела людишки» (1880).

ние к дурному и фальшивому, но в чем заключается это дурное и фальшивое – это опять остается загадкой. Далее общих определений автор не идет; далее поступков, в которых ничего нет, кроме несознанной затверженности, – не показывает. В этом смысле первые его произведения («Гнилые болота», «Жизнь Шупова»), несмотря на свою неясность, были несравненно привлекательнее. Это были просто лирические излияния довольно страстной природы, тронутой известными шероховатостями жизни, и в особенности того ее отдела, который носит название воспитания. Все сказанное в этих произведениях было сказано горячо, хотя и не поражало особенной новизною; все недосказанное было недосказано по праву, потому что и в жизни оно часто остается недосказанным. Энтузиазм, вера в будущее, горячий идеализм без определенных идеалов – вот материал, который доставляет питание героям первых опытов г. Михайлова. В позднейших сочинениях материал хотя остается тот же, но является уже значительно простывшим. Видится усилие сказать что-нибудь формулированное, и в то же время усилие это осложняется попытками на объективность. И что же? – новое слово, произносимое г. Михайловым, является не более как бесцветным общим местом, а претензия на объективность разрешается построением деревянных кукол.

Рассказать содержание нового романа г. Михайлова невозможно, потому что его нет. В романе около шестисот страниц, и нельзя даже утверждать, чтоб он не изобиловал

внешними событиями; напротив того, их больше, чем нужно, но в том-то и дело, что все они кажутся совершенно излишними. Ни на одном автор не остановился, необходимости ни одного из них не доказал. Его манера ведения рассказа напоминает времяпрепровождение помещиков доброго старого времени: вот, слава богу, мы пообедали – что будем теперь делать? – теперь будем чай пить, и т. д. Странную и даже несколько мистическую мысль положил автор в основание своего романа, а именно: будто бы родители за грехи свои наказываются в детях. Но, оставляя в стороне несостоятельность этого тезиса и рассматривая роман просто как историю развития человека при каких бы то ни было условиях, мы не найдем здесь ничего: ни условий, ни истории. Мы уже говорили однажды (по поводу «Засоренных дорог»), что автор делит человечество на две половины: добродетельную и порочную; эта же самая рутина господствует и в новом романе. Ни доказательств добродетели, ни достаточных указаний порочности не представляется. Как мухи мелькают герои романа, и как мухи же садятся в разброд на разные места без всяких видимых побуждений. И при этом автор заставляет их садиться и сниматься с мест с такою быстротой, которая заставляет предполагать, что этой быстротой он хочет восполнить недостаток внутреннего интереса. Выше мы указали на фразу: «обещайте мне работать на пользу ближних» и т. д. Кто говорит эту фразу? – ее говорит Наташа. Кто эта Наташа? – это Наташа, и больше ничего вы не добьетесь от авто-

ра в ответ. Это прохожий, – но кто этот прохожий, какое его мирозерцание и что он значит в общем круговороте жизни – это загадка, которую г. Михайлов и не старается разгадать. В романе его лица не создаются, а как-то невзначай рождаются совсем готовыми и с готовыми фразами на устах...

Еще одно слово: некоторые подробности слишком отзываются заимствованиями; так, например, сцена возвращения к мужу Зины напоминает сцену возвращения жены Лаврецкого в «Дворянском гнезде».² Это тоже не говорит в пользу самостоятельности автора.

---

² ...напоминает сцену возвращения жены Лаврецкого в «Дворянском гнезде». – О подражании Тургеневу говорится и в рецензии на «Засоренные дороги» (стр. 266).

Примечания

ОЗ, 1870, № 2, отд. «Новые книги», стр. 265–270 (вып. в свет – 18 февраля). Без подписи. Авторство установлено С. С. Борщевским на основании анализа текста – *Неизвестные страницы*, стр. 541–543.

Вторая рецензия Салтыкова на произведения Михайлова явилась продолжением полемики «Отечественных записок» с журналом «Дело» по важнейшим проблемам эстетики.

Настаивая на верности своего прошлогоднего отзыва о Михайлове и связанных с ним общих теоретических выводах, Салтыков показывает, что новый роман «В разброд» служит ярким тому доказательством. Основной эстетический тезис Салтыкова приобретает здесь наиболее полное и точное выражение. «Истины самые полезные нередко получают репутацию мертворожденных, благодаря недостаточности или спутанности приемов, которые допускаются при их пропаганде». Когда в «Уличной философии» Салтыков писал: «Литература и пропаганда – одно и то же», это была лишь одна часть его мысли, другая состояла в том, что отнюдь не всякая пропаганда – литература, что пропаганда может стать искусством лишь при глубоком исследовании законов жизни и при несомненном оригинальном таланте автора. Салтыков утверждает, что отсутствие художественности не возместят никакие актуальные вопросы, вплоть до «либе-

рализма со ссылкой, куда Макар телят не гонял».

Другая тема, развитая в полемике с «Делом» и имеющая столь же широкий смысл, – о реальных возможностях в современных условиях, или, как выражается Салтыков, в «особой обстановке», правдиво и ясно представить нового человека. Осознавая исключительные трудности этой задачи, Салтыков все же считает ее разрешимой. Он ссылается на опыт 40-х годов, на то, что «Белинского и Добролюбова понимали все», понимали также Круповых, Бельтовых, Рудинных. Упоминание о героях Герцена и Тургенева свидетельствовало, что возможности передовой литературы гораздо шире того, как они представляются поверхностным беллетристам.

Спустя три года в защиту Михайлова от критики Салтыкова с пространной статьей, напечатанной в трех книжках «Дела» (1873, №№ 2, 6, 7) под названием «Тенденциозный роман», выступил П. Н. Ткачев (псевд. – Постный). Непосредственным поводом для статьи послужил выход в свет пяти томов Собрания сочинений Михайлова (СПб. 1873). Ткачев упрекает «Отечественные записки» («либералов») в том, что они недооценивают Михайлова как выразителя передовых идеалов и превозносят Гл. Успенского: «Михайлов, – говорит теперь либеральная пресса, – не имеет ни крошечки художественного таланта, изображаемые им лица – не живые люди, а ходячие марионетки, говорящие фигурки без крови и плоти» («Дело», 1873, № 2, стр. 2).

Именно в рецензии Салтыкова на роман «В разброд» герои Михайлова названы «деревянными куклами», «марионетками, сохраняющими лишь наружные признаки людей».

В № 13 «Искры» за 1873 г. появилась статья, полемизирующая с Ткачевым: «Щедрин и его критики». Анонимный автор упрекает Ткачева в примитивном понимании тенденциозности. Во второй статье («Дело», № 6) Ткачев так формулировал свою точку зрения, прямо противоположную позиции Салтыкова: «Тенденциозность, само собою понятно, не исключает художественности, хотя, с другой стороны, она и не предполагает ее» (стр. 5).

Ответом Ткачеву явилась в «Отечественных записках» статья Скабичевского «Сентиментальное прекраснодушие в мундире реализма» (1873, № 9). Скабичевский дает обзор беллетристики «Дела» (романов Н. Ф. Бажина, И. В. Оммулевского, и прежде всего – Михайлова) как одного направления. Критик полагает, что беллетристы «Дела» забывают элементарную истину: «тенденция ценна лишь тогда, когда опирается на глубокое знание жизни». «Да, гг. Михайлов, Бажин, Оммулевский и проч., конечно, вы ставите выше всего поэзию реальную, вы стоите за нее горой и уж, разумеется, воображаете, что с вас-то только и началась на Руси истинная реальная поэзия. Так знайте же, что ваши произведения отстоят от почвы реализма, как небо от земли; вы создатели не реальной школы в нашей литературе, а воскресители сентиментального прекраснодушия тридцатых годов, эпохи Н.

Полевого, кн. Одоевского и Марлинского» (стр. 25). В целом статья Скабичевского была написана в развитие идей Салтыкова, который, однако, в отличие от Скабичевского, выделял роман Омулевского «Шаг за шагом» из общей массы беллетристики «Дела» (см. его рецензию на стр. 411–419).

К оценке творчества Михайлова Салтыков вернулся в отзыве на роман «Беспечальное житье» (1878).